

Человек, возрождающий красоту

Так называют архитектора-реставратора Виктора Симиненко

Римма ПЕЧУРКИНА

Нынешний год для Виктора Ивановича особенный. Ему исполнилось 60 лет. 40 из них он связан с Уральской архитектурно-художественной академией. 30 лет назад профессионально занялся реставрацией архитектурных памятников в Свердловской области.

К слову, для его работы на этой стезе 2011 год – тоже не рядовой. Стартует областная целевая программа «Формирование туристско-рекреационной зоны «Духовный центр Урала», в которой Виктор Симиненко принимает самое непосредственное участие.

– Виктор Иванович! Мне удалось перехватить вас для этого разговора, фигурально выражаясь, на перепутье между Тобольском и Верхотурьем. Это особый случай или образ жизни?

– Скорее, образ жизни. Я уже шестой год регулярно мотаюсь в Тобольск. Мы там реставрируем замечательный храм. Церковь во имя Захарии и Елизаветы, середина XVIII века, по своей архитектуре напоминает верхотурские храмы.

– А мне кажется, у неё больше сходства с более поздним храмом – Преображения Господня в Нижней Сиячихе. Замысловатые фронтоны, главки очень нарядные: изысканные луковки на высоких барабанах.

– Совершенно точно. Тобольский храм послужил прообразом храма в Нижней Сиячихе и ещё десяти-одиннадцати храмов на Урале и в Сибири.

– Краеведы Сиячихинский храм неизвестному италиянцу приписывают.

– Там явные следы питерских архитекторов. Я статью об этом написал. Во всяком случае, видно, что это не провинциальная школа, а высокопрофессиональная, академическая.

– На открытии выставки, посвящённой вашему 60-летию, ваш коллега Александр Долгов назвал вас человеком, возвращающим красоту. Как вы шли к такому высокому званию?

– Когда я заканчивал архитектурный институт, у меня при распределении на работу был хороший выбор, потому что учился я хорошо. Распределяли тогда всех поголовно: тридцать выпускников – тридцать мест по всей России. Я записался в Свердловск, но меня стали уговаривать: уступи место, тебе всё равно в армию идти. Так я оказался в Тюмени. Город старый – храмы, жилые дома с причудливой резьбой – у нас на Урале такое я не видел.

Будучи градостроителем, я впервые задумался об охране памятников архитектуры. У нас в институте не только специализации, но и предрасположения к реставрации, к сохранению наследия не было. Слов таких не знали. Готовили нас архитекторами-новаторами.

Граница интересная: мы изучаем историю архитектурно-художественного наследия и современную архитектуру. А между ними – провал. Как сегодня вести строительство в старом окружении – такого контекста в обучении не было. История сама по себе, а мы, новаторы, – сами по себе.

Тогда в Тюмени я стал приглядываться, задумываться: наследие-то сохранять надо. Свою первую работу по сохранению архитектурного памятника делал уже после армии, в институте, куда пришёл работать, по заданию нынешнего ректора Александра Александровича Старикова. На Химмаше, на берегу за плотинной, есть одноэтажный дом с колоннами. Его называли бывшим заводоуправлением. Я в областном архиве 3-4 месяца просидел и нашёл исторические материалы. Авторские чертежи архитектора Малахова. Оказалось: здание строилось под приёмку артиллерийских снарядов. Шла война 1812 года, завод на Исети отливал для войск ядра.

Это и был мой первый объект. Я вернул архитектурный облик фасаду и нарисовал старую планировку. Материалы пошли в производство.

– Этот факт вашей биографии не очень известен. В

Виктор Симиненко у фаянсового киота, изготовленного по разработанной им технологии. Фото Бориса СЕМАВИНА

осведомлённых кругах больше говорят о спасённой вами рагозинской часовне.

– Это дело мне посчастливилось довести до ума своими руками. Часовня стояла в деревне Рагозино, 70 километров от Верхотурья вниз по Туре. Стояла себе спокойно. Студенты архитектурного института её фотографировали, обмеры делали.

А потом случилось вот что. Часовня понравилась директору верхотурской турбазы, он её решил перевести к себе на территорию, раскатал, привёз. И бросил. Я получил задание от ректора восстановить её в ближайшее время.

Был февраль, холодина. Мне дали в школе старшего классника, и мы целую неделю занимались обмерами. Подъехали однажды и видим такую картину: два мужика распиливают очередное бревно. Лошадка с санями стоит, они эти чурки закружат.

– Что это вы тут делаете?

– Так мы уже пятый год пилим. А ты откуда взялся?

Осталось примерно 300 деталей. Всё обмерил досконально. Брёвна, доски, рамы, кружала на главки. Впервые столкнулся с необычным угловым креплением. Обычно крепят «в обло». То есть бревно укладывается в полукруглую выемку. А здесь – «ласточкин хвост» с двойным шипом. Мы так и собирали. Поставили часовню на турбазе «Солнечный камень» под Сысертью. Три года трудились.

Часовня небольшая, брёвна до 11 метров доходили. Чтобы найти такое украденного, выезжали с лесником, выбирали соответствующий ствол и заваливали его.

– Да уж – ломать не строить. Часовню восстанавливать – для той поры дело удивительное.

– Мы слово «часовня» произносили осторожно и добавляли, что сооружение пойдёт под туристский клуб. Ещё ведь и перестройка не началась.

Когда я делал первые шаги в реставрации, у нас в Свердловске занимался этим единственный профессиональный коллектив – филиал Пермских реставрационных мастерских. А наш институт взялся за изучение архитектурного наследия. Я со студентами лет пять ездил по объектам старины.

Помните, вышло историческое решение обкома партии 1987 года, а следом – постановление облисполкома. В нём было предписано Свердловскому архитектурному институту приступить к реставрации памятников в Верхотурье. Тогда было создано студенческое реставрационное объединение «Каменный пояс» с тремя линейными отрядами. И мы заехали в Верхотурье. Поскольку в мужском монастыре размещалась колония для несовершеннолетних, нужно было начинать с небольших объектов: юго-западной башни и двух участков стены.

Витя Симиненко (слева) с друзьями. Фото из личного архива

– Приходилось слышать, что вы как вожак студенческих отрядов проявляли незаурядную смекалку. Например, под Красноуфимском на уборке лука, чтобы сберечь девушек от дождя, сели за швейную машинку и шили всем полиэтиленовые накидки. А в Верхотурье, у стен монастыря?

– Понимаете, неинтересно просто жить, себя не испытывая, не пытаешься найти что-то новое, нестандартное. Когда я увидел состояние монастырских стен, было чему ужаснуться. Они вываливались наружу и просто лежали на бетонных быках, конфорках. Угловая башня тоже была наклонена. Если бы мы не приступили к работе, она «пошла бы, и мы бы её потеряли».

Я слышал, что в Суздале есть опыт выпрямления стен, и поехал туда. Со мной поделились идеями. Но нас не всё в них устроило. Их идея подъёма стен была, я бы сказал, негуманная: надо было проходить через полость стены. Мы старались избежать разрушений. И нам пришла идея: пушки!

– Пушки – против разрушений?

– Идея простая. Стержень должен толкать стену. Не будет же держать его руками. Сварили из уголка прямоугольную конструкцию. В неё с четырёх сторон врезали винты, которые держат стержень.

– Какой-то аппарат Илизарова получаете?

– Совершенно верно. Зафиксированное в этой структуре бревно двигается с помощью домкрата. Мы расставили пушки через шесть метров, и дело пошло.

– Где же вам изготовили это нестандартное оборудование?

– На месте, в Верхотурье. На заводе в зоне, бывшем лечебно-трудовом профилактории.

– Если учесть, что разрушенных памятников множество, все они разные, вид и степень их бедствия тоже разные, даже представить невозможно, сколько сил, средств и мозгов требуется на их восстановление. Процесс разрушения идёт сам по себе, да ещё люди его под-

талкивают. А вы охранитель, пытаетесь процесс остановить, повернуть вспять. Вопрос: кто кого? Как сделать, чтобы ваша взяла?

– Вопрос интересный. Я над ним думаю с самого начала, с перестроечного периода. Я понятия не могу: отменили религию, неприемлема она для советской власти. Но зачем здания ломать? Кули замок, закрой и живи спокойно. Я ждал того времени, когда победит справедливость и храмы передадут епархии, а значит, народу. В конце концов дождался.

Если бы не этот разгром, неестественный, страшный, то наука реставрации и реставрация как производственный процесс развивались бы цивилизованно, как в других странах.

В Европе никто ничего не ломал, здания приходят в упадок за счёт старения. Аврала не требуется. Один памятник на консервации, доступ закрыт. Другой сносят после реставрации. Рядом работы ведутся. Ещё одно здание ждёт своей очереди. Никто никому не мешает.

В Италии реставрация занимается государством. Независимо от собственника здания. И это правильно. Поэтому и удаётся удержать поэзию в грамотном научном русле. Если специалист-реставратор в течение своей жизни 1-2 памятника привёл в порядок – он себя реализовал.

– Сколько раз вы, Виктор Иванович, себя реализовали?

– Более пятидесяти объектов на моём счету. Из них хра-

мов около сорока. Попалам старые и новые. Новый храм на месте старого – не от хорошей жизни. Сделали проект и в течение года поставили нововед. Я бы с гораздо большим удовольствием не спешил, со скальпелем в руках занимался реставрацией. Минимум нововедла. Лучшая реставрация – это ремонт. Главная задача реставратора – не привносить ничего своего. Никакого творчества! В Италии дело поставлено именно так.

– У нас в стране реставраторы востребованы? Какая ситуация с кадрами?

– До революции реставрационная школа у нас была неплохая. Подлинная научная реставрация и соответствующие кадры. Я горжусь, что мне довелось в Москве поработать со специалистами этой школы Подьяпольским, Раннинским, Андреевым.

– А у вас учеников много?

– Немало. Я к ним причисляю тех, кого учил в академии. В учебный процесс старались вводить живые элементы. Не из учебника перерисовывать, а обмеры реального храма сделать, расчёты произвести и так далее.

Мои ученики – это и те, кто выполнял реальную работу по реставрации, выезжая со мной каждое лето на объекты. И таких сотни.

– Ваши ученики сегодня применяют свои знания на практике?

– Тут я в статистике не силен. На мой недавний юбилей приехали 6-8 человек. Насколько мне известно, никто из них реставрацией не занимается.

– Вот и ответ на вопрос, востребованы ли реставраторы сегодня. Виктор Иванович, у вас есть возможность оглянуться на свои прежние труды. Ну и как впечатление?

– Ни за один из своих объектов мне не стыдно. Конечно, если бы условия были лучше, то и результат оказался бы выше.

– Давайте, мысленно пройдемся по некоторым вашим объектам. Храм Максима Исповедника в Красноуральске, Преподобного Амвросия Оптинского в Кировграде. А на верхотурской земле храмы, обновлённые с вашим участием, обступают со всех сторон. На территории Свято-Николаевского монастыря – малый Никольский храм, колокольня Преображенского, большой купол Крестовоздвиженского собора. По дороге на Меркушино – Костылевская Свято-Косминская пустынь, в самом Меркушино – храмовый комплекс. И это, как говорится, далеко не весь список.

А ещё у вас в академии говорят, что Симиненко сделал фаянсовых иконостасов больше, чем Сам Кузнецов, дореволюционный значитель этого промысла.

– Это вряд ли. Он в течение года делал их 10-12, а я в прошлом году сделал 9. Он лет 25 этим занимался, я только 14. Если взять все иконостасы, изготовленные по нашей технологии за 14 лет, то получится больше шестидесяти. А у Кузнецова было больше сотни. И размах у него был пошире. Только на заводе в Конаково работало 1500-1700 человек.

– А у вас сколько?

– Неважно. Мы берём не числом, а умением. А умение у нас есть.

– Помню, как в Крестовоздвиженском соборе торопились закончить к юбилею Верхотурья монтаж новых фаянсовых иконостасов вместо тех, что были разбиты на куски после закрытия храма. Мало того, что эту давнюю беду вам удалось

преодолеть, так ещё и новый промысел на Урале открыли. Как это получилось?

– Я больше года проработал в архивах страны. Был в Москве, Перми, Санкт-Петербурге. В городе Железнодорожном под Москвой удалось потрогать своими руками «живой», сохранившийся иконостас. И уже потом занялся непосредственно изготовлением деталей.

– Верхотурские иконостасы были первыми. Потом – кировградские, невьянские, в Храме-на-Крови. Сейчас и за пределами Урала есть ваши работы?

– Да, в Щёлкове, в Нижнем Новгороде, Пензе, Сочи...

– Как вам новая программа «Духовный центр Урала»?

– Программа хорошая. Только, на мой взгляд, есть опасность, что свои, доморощенные специалисты, профессионалы, могут в неё не попасть. Дилетанты переберут им дорогу.

– Думаю, вам это не грозит. Для вас уже процесс пошёл?

– Я готовил документы для министерства культуры и туризма, министерства строительства. У меня по Верхотурью, где пойдут основные реставрационные и строительные работы, накоплено много материалов. Например, обмеры есть по сорока объектам. И в архив ходить не надо.

– Какими объектами собираетесь заниматься?

– Думал о Знаменской церкви, об Иоанно-Предтеченской. Передумал.

– Почему? Знаменскую курские ямщики на прекрасном месте возвели, высокий берег Туры. У Иоанно-Предтеченской, которую промышленник Походяшин строил, колокольня была высокая. Её называли Походяшинская свеча. Вы ведь чувствуете, как этих церквей в городе не хватает.

– В Знаменской лишь первый ярус сохранился, реставрации практически не будет, только воссоздание исторического облика. С Иоанно-Предтеченской почти то же самое.

Меня привлекает Спасо-Воскресенский храм. Ситуация там сложная, есть отслоение колокольни от основной части храма. Мы знаем почему. Известны четыре способа, как её выпрямить и зафиксировать, как укрепить фундамент. В общем, диагноз поставлен. Остаётся большое вылечить.

– Вместо котельной, а потом просто заброшенного здания будет в центре Верхотурья большой, благоустроенный храм. Что ж, это ближайшие, реальные планы. А отдалённые, в порядке мечты, у вас есть?

– Знаете, я бы хотел продолжить работы, начатые 15 лет назад в Сочи, связанные с раннехристианским периодом. Неподалёку от санатория Чехова гора сохранилась древняя крепость. Есть основания полагать, что здесь похоронен один из апостолов Симон Зилот Кананит. По другим сведениям, он погребён в Новом Афоне. Но я изложил в книге свою версию, и никто пока не опроверг.

– Но ведь это отход от архитектуры?

– Нет, здесь всё вместе – и архитектура, и история, и археология, и сохранение исторического наследия в первую очередь.

– Близится Международный день памятников и исторических мест. По сути, ваш профессиональный праздник. Позвольте вас и ваших коллег с ним поздравить и пожелать успехов.

ДОСЬЕ «ОГ»

Виктор Иванович СИМИНЕНКО

Родился 16 января 1951 года в г. Артёмовске Донецкой области, в семье военнослужащего. Семья не раз переезжала по месту службы отца. Школу Виктор окончил в Симферополе.

После окончания Свердловского филиала Московского архитектурного института был распределён в Тюмень, в институт «Тюмень-гражданпроект».

В 1977-1978 годах служил в рядах Советской армии в строительных войсках Одесского военного округа. После службы вернулся на Урал и был избран ассистентом кафедры архитектурного проектирования родного института.

С 1982 по 1985 год – учёба в очной аспирантуре Московского архитектурного института на кафедре архитектурной реставрации. После защиты кандидатской диссертации в 1985 году продолжил работу в Свердловском архитектурном институте старшим преподавателем на кафедре основ архитектурного проектирования.

Под его руководством в структуре вуза сформировано реставрационное направление. Студентами выполнен полный комплекс научно-проектных и производственных работ по реставрации важных исторических объектов Свердловской области.

В 1998 году Виктор Симиненко аттестован Министерством культуры Российской Федерации как архитектор-реставратор высшей категории.

В 2001 году ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В том же году за воссоздание фаянсовых иконостасов для уральских храмов и открытие на Среднем Урале нового промысла вручена премия губернатора Свердловской области в области литературы и искусства.

В 2004 году избран советником Российской академии архитектурно-строительных наук, а также профессором кафедры жилых и общественных зданий Уральской государственной архитектурно-художественной академии.

Научную и педагогическую деятельность совмещает с проектной и производственной, возглавляя проектно-реставрационные фирмы «Терем» и «Терем-керамика».

За реставрацию и строительство православных храмов награждён Патриаршими наградами: медалью ордена Сергия Радонежского I степени и орденом Даниила Московского III степени.

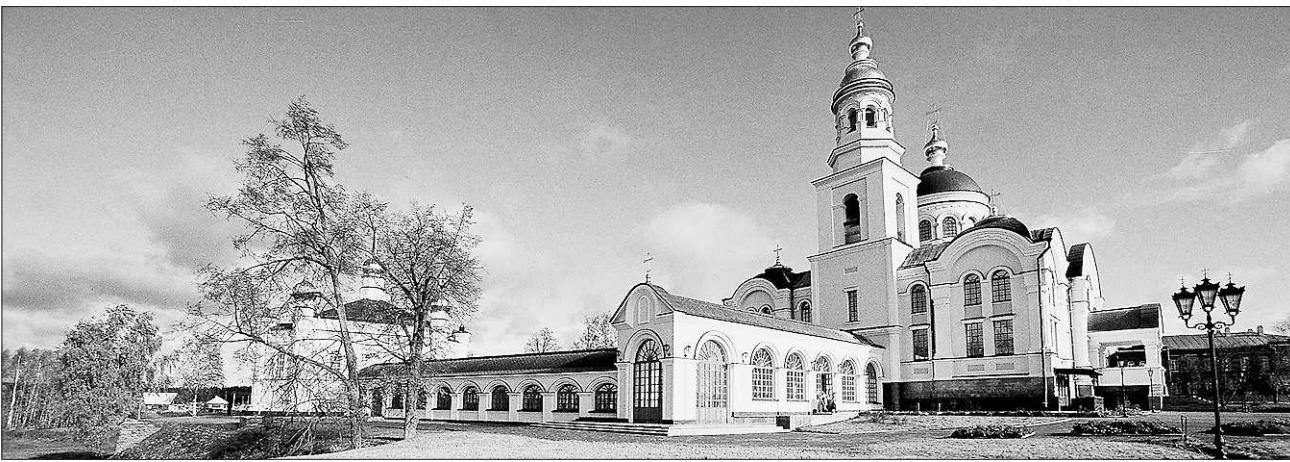
Почётный гражданин Верхотурья.

Любимое дело – рыбалка. Фото из личного архива В. Симиненко

БЛИЦ-ОПРОС

- Ваша любимая книга? – Двух писателей назыву. Рассказы Бунина и Глауковский, «Чёрное море».
- Иногда люблю просматривать то, что сам написал – появляется самокритика, что для будущего полезно. Из своих книг любимая та, которая в работе. Она называется «Фаянсовые иконостасы России». Думаю, к концу года закончу.
- Любимое место на земле? – Байкал и Алтай.
- А на Урале? – Верхотурье. Я там полжизни провёл.
- Не надоело? – Нет. Места удивительные. Рельеф живописный. Леса, озёра в тайге. Снег там белый. Можно выйти из домика и упасть в сугроб. И ещё что-то особенное есть. Когда мужик Симеонов Праведного крестным ходом несли вокруг Крестовоздвиженского собора, над ним появился ореол. Яркое радужное кольцо, небольшое. Прямо в центральной крест виспало.
- Любимое время года? – Два сезона: сезон зимней рыбалки и сезон летней рыбалки.
- Выходит, о любимом занятии в свободное время можно не спрашивать. Недостатки у вас есть? – Есть. Два. Люблю женщин. И люблю посидеть на природе с друзьями.
- А черта характера, которой вы гордитесь? – Не умею отказать людям в их просьбах. Если человек пришёл, значит, ему действительно надо.
- В вашей среде есть профессиональные анекдоты? – Конечно. ГИП (главный инженер проекта) и ГАП (главный архитектор проекта) остались без работы. Пришли на биржу труда.
- Кто такие? – А я ГИП.
- А я ГАП.
- Гип и Гап. Клоуны, что ли? Не годится! Рожи больно умные.
- Если бы вам не хотелось стать ГАПом, то кем бы стали? Археологом?
- Нет. У меня было два варианта для выбора: архитектура и скульптура.
- Второй вариант вы реализовали в качестве хобби? – Нет. Но детали своего первого иконостаса я вылепил своими руками.

Храм во имя Михаила Архангела в Меркушино – один из многих, восстановленных по проекту Виктора Симиненко. Фото Бориса СЕМАВИНА